

**ГРИГОРИЙ
ДАШЕВСКИЙ**

«СКАЖИ МНЕ *НЕТ*,
СКАЖИ МНЕ *ДА...*»

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Д 21

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

В оформлении суперобложки использована фотография
работы Сергея Савченко.

Тексты печатаются по изданию: *Дашевский Г.*
Стихотворения и переводы. М.: Новое издательство, 2020.

В книге сохранена авторская орфография и пунктуация.

ISBN 978-5-389-25662-0

© Г. М. Дашевский (наследник), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ДУМА
ИВАН-ЧАЯ

ОТ АВТОРА

Стихи первого раздела — лирические, то есть написаны от имени некоего идола — от имени невинного и особенного «я». Невинность и особенность поэта остались от времени, когда он был служитель высшего или иного, то есть когда эти свойства были свойствами сана, роли, — но служение, утратив свой прежний предмет, обращается в идолопоклонство — и идол обычно похож на ризы прежних служителей.

Служение этому идолу почти всегда невольно и бессознательно; в него включаешься, начиная писать «просто стихи».

«Я» стоит за спиной пишущего и присваивает себе то, что он пишет; сам же он может думать, что пишет «просто стихи», что пишет их от собственного имени (что на самом деле — очень трудно и потому редко) или по-прежнему от имени какой-то высшей силы («язык» и пр.). Примерно так: выходит дама и объявляет: «Петр! Ильич! Чайковской! Ария Гремина! Исполняет имярек». — И все, что после этого будет сказано или спето, хочет того имярек или нет, слышал он это объявление или нет, будет

арией Гремина — в нашем случае арией «я». «Человеческое я» участвует здесь как во всяком исполнительстве — внешностью, тембром, манерой; не отменяя сюжета оперы, программы концерта.

Лирическая иллюзия собственной невинности и особенности поддерживается и внепоэтически — во-первых, фарисейством любого самосознания; во-вторых (в русском языке), тем, что про себя как целое, как страну люди здесь думают — «мы особенные и невинные; хуже, чем себе, мы никому не сделали». В этом смысле можно сказать, что здесь любые лирические стихи — одновременно и гражданские.

Все «я», взятые изнутри и поодиночке, невинны и особенны, а взятые извне и скопом — виноваты и одинаковы. Естественно, само это сознание своей невинности и особенности — необходимый результат действия тупого и жестокого механизма, в который как детали эти «я» включены и который из них только и состоит. Твердые винтики и должны считать себя незаслуженно страдающими цветочками (механизм же имеет уже там, где есть хотя бы двое — а двое есть всегда). Лучшее, что можно сделать, — от этого идола просто отойти. (Но при этом есть риск, что «я» окажется в зоне священного умолчания; так происходит при искусственном конструировании говорящего персонажа — лиричность витает около любых масок, только уже не в многословии, а в благоговейной тишине.) Но отойти может тот, кто не считается с правилами. А правила здесь — такие же, как с икотой: сойди на Федота, с Федота на Якова, с Якова — на всякого.

Соответственно, второй раздел — это переход от отдельного и внутреннего к совместному и внешнему.

Но это переход от иллюзии не к правде, а к «правде», то есть к трезвому рабству у той же иллюзии, потому что все содержание по-прежнему порождается только ею — у «правдивого взгляда» нет другого предмета, кроме предыдущего тумана. Здесь говорится не: «за этим туманом вот что на самом деле», — а: «это всего лишь туман, он плотный, редкий, серый, розовый и пр., и вот почему на нем мерещатся картинки». То есть по-прежнему изображается только видимость, но теперь как видимость, а не как реальность.

Образцом здесь служат одномерные слова и фразы вроде «здравствуйте» или «спасибо» — но именно образцом, а не предметом обыгрывания или разоблачения, поскольку обыгрывать или разоблачать здесь нечего — все и так видно. Они же — общие слова, то есть те, которые заведомо принадлежат всем и которые поэтому одинаково смешно и ставить в кавычки, и считать своими собственными. Их лучше всех знают дети, у которых взрослые спрашивают: «Что сейчас надо сказать?» или «Как это называется?». И эти же слова — то небольшое правильное, которое уже есть у каждого и которое поэтому можно не придумывать и не искать.

СТИХИ 1983–1994

* * *

Никогда не коснусь
виденного во сне.
И опять засыпаю.
Волосам тяжек груз
рук и воздуха. Падает снег.
Я наружу гляжу из сарая.

Сквозь проем мне видна
белая и без окон стена,
и в ней есть
ниша, чья глубина
неясна зрителю сна,
потому что для зрячего света
плоскими стали предметы.

В этой нише висит вверх ногами
мальчик. Мальчика твердое тело
слито с известью белой,
будто слабое пламя —

с воздухом. Рот и глаза
оторочены черной каймой.
Рассекает мне руки обрез золотой
книги тонкостраничной, откуда им взят

образец его казни. Я знаю:
через час,
этим мальчиком став, закрывая
умирающий глаз,

ты исчезнешь. И не уклониться
от рисунка на острой странице,
если только я сам
не раскрашу его. Волосам

тяжек груз посветлевшего воздуха. Блюдце
с высохшей кожурой мандарина
потускнело. Проснуться
и увидеть: окно не светлей
смятых простынь и делится длинной
полосой населенных камней.

Бледный блеск их неровных отверстий
неподвижен под утренней твердью.
Осыпается снег с ее белого края.
И опять засыпаю.

И, по пояс в реке
теплой стоя,
наклонившись туда, где река,
в темных складках песка
тебя вижу живую
и такую же кожу плеча своего я,
просыпаясь, целую.

Декабрь 1984

Памяти Н. А. Куна

ОДИССЕЙ У КАЛИПСО (1)

Близкий голос во мгле: Одиссей.
Он кивает, молчит.
Его руки как будто слабей
темноты. Он укрыт

темнотою, текущей из глаз
чьих-то вниз, из глазниц
в узкий и поддающийся паз
там, поблизости. Лиц

не видать, незаметен пробел
между нею и им,
словно издали кто-то глядел
на стан статуи, грим

света снявшей и спящей в тоске
с тенью, с тенью своей.
И наутро, когда вдалеке —
моря шум, Одиссей

клонит голову вниз, потому
что вчера зачерпнул
утлым черепом мглы и ему
скучен пристальный гул.

Январь 1983

ОДИССЕЙ У КАЛИПСО (2)

Он шел, влача сухою пылью
останки тонкой тени, кроме
которой только холод тыльный
остался утром от проема

ночного в пустоту, как будто
в укрытую от света смерти
плоть, застланную телом, гнутым
согласно снившимся отверстиям

уст, лона, бедрам, ребрам, шее,
ключицам, — так и тень хромая
к суставам праха льнула млея,
души лишь контур сохраняя.

Август 1983

ДАФНА (1)

Свинцовым острием, гонящим
из тела голос, тело — в лес,
пронзенная исчезла в чаще
седых, прямых стволов и здесь

хранима страхом обнаружить
взамен пленившей плоти, чье
сиянье умножалось стужей,
землею твердой и свое

приумножало безразличье
на узком, сумрачном пути
разлучной травли, — только птичью
неуловимость глаз, почти

невидимых, чей молкнет щебет
в ветвях глазниц, и, по живым
ветвям стекая, слезы лепят
кору из льда, но ствол храним

не ею, тонкий стан замкнувшей,
текущей всё еще с лица,
а страхом, пронизавшим душу
изнеможенного ловца.

Декабрь 1983

ИКСИОН

Он летит одиноко,
от прозрачного жара,
от назначенной кары
корчится в колесе.
Помнит мнущееся от вздоха
из сиянья, из сумерек одеянье,
облекавшее всех
тонкой тканью.

Голубая и золотая
ткань истлела. Ее изглодали
черви очей,
в небо с лица уползая.
Жар едва ли сейчас горячей
прежней, ранней печали,
жившей в черепе белом —
в расщепленной своей колыбели
и в могиле своей.

След слезы, текущей вдоль лица,
подо льдом мерцал,

отражая ясный блеск,
проникавший сквозь тонкую кожу
сном смеженных небес
в тесноту воздушного белка.

Озаренный явью сон
был пронзен
призраком порожным,
как отверстием зрачка
в облаке из радужных пелен.
Началась весна.
И не пряча веры ранней,
бодрствуя в пещере сна,
он вдыхал и пил зиянье,
а тому была тесна
плоть во льду воспоминаний.

«Чем зорче ты в чужом бреду,
тем легче он тебя морочит.
О, дай, я тоже ночь найду,
или откройте небу очи!

Отверзлись небеса, и в щель
забытое вползает пламя,
по граням пепельных вещей
сверкая ветхими огнями.

И я увидел, всё в пыли,
лицо, горящее в пустыне:

его черты зрачок прожгли,
моей сетчаткой став отныне,

изнанкой тела огневой,
моею пламенной тенью.
Я заплатил самим собой
за жаркое приобретение».

Январь—март 1984

ОДИССЕЙ И СИРЕНЬ

По путям воздушным, белым
прогремев, сирены пенье
проникает твердым мелом
в душу в узах слуха, зренья.

Мне невыносима жесткость
голосов, кроящих душу,
я хочу сухого воска —
мягче пустоты и суше,

чем слепые тротуары,
не разбуженные тенью
от мельканья мелких, карих,
воробьиных глаз сирены,

чтобы не крошился с краю
свет чужим и белым слоем
и свобода восковая
засияла тишиною.

ОДИССЕЙ И ГЕРМЕС

Посланец неба кроется то в прежних
краях боярышника, опускаясь
развилками вины и темноезжим
путем ствола в укромный, ранний ярус,

то за воздушным слоем отдаленья,
стесненного грядущею грозойю.
И облик летуна в тоскливом зреньи
на птичий и божественный раздвоен,

а он не различает: то ли болью,
то ли простором и листвою измятой
искажено лицо того, кто молит:
не раздвигай ветвей, времен зубчатых,

*не покидай неровной душной дали,
дай силы в шаткий облик твердо верить,
пока видны отчетливо не стали
твой острый клюв и твои плечи в перьях.*

Июнь 1984

Дашевский Г.

Д 21 «Скажи мне *нет*, скажи мне *да...*» : стихотворения и переводы / Григорий Дашевский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 160 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-25662-0

Григорий Дашевский (1964–2013) был филологом-классиком, литературным критиком, переводчиком, но прежде всего — поэтом. За три десятилетия он написал немного, однако для читателей современной поэзии каждое его стихотворение становилось событием. Несмотря на принципиальное неприятие Дашевским утешительной, терапевтической функции литературы, его стихи обладают спасительным качеством, они рассказывают об одиночестве человека и его общности с другими, находят новый язык для описания жизни в присутствии смерти.

В книгу включены стихотворные произведения Дашевского из четырех составленных самим автором сборников и посмертно изданного собрания стихотворений и переводов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ГРИГОРИЙ ДАШЕВСКИЙ
«СКАЖИ МНЕ *НЕТ*, СКАЖИ МНЕ *ДА...*»

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Людмила Дубовая, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.06.2024.
Формат издания 70 × 102 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 6,6. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

A-PTP-34634-01-R